

УДК 330.117

JEL E61

<https://doi.org/10.21122/2309-6667-2024-19-45-56>

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В БЕЛОРУССКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

А. И. Лученок

a.luchenok@gmail.com

доктор экономических наук, профессор,
заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск, Республика Беларусь

Сформулированы принципы макроэкономического регулирования защиты национальных интересов. С этой целью обоснована необходимость агрегирования интересов акторов макроэкономических отношений на уровне социальных макрогрупп (СМГ). Разработана классификация экономических интересов СМГ, включающая: бюджетные, кредитные, ценоформирующие и институциональные интересы. Обоснован вывод о необходимости согласования, а не принудительного диспаритетного удовлетворения интересов акторов экономических отношений. Рекомендовано разногласия между СМГ решать с помощью бюджетно-налоговых, денежно-кредитных, антимонопольных и институциональных инструментов, являющихся составными элементами макроэкономической политики.

Ключевые слова: институциональная система, макроэкономическое регулирование, национальные интересы, согласование интересов, социальные макрогруппы, экономические интересы.

Цитирование: Лученок, А. И. Макроэкономическое регулирование защиты национальных интересов в белорусской институциональной системе / А. И. Лученок // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2024. – Вып. 19. – С. 45–56. <https://doi.org/10.21122/2309-6667-2024-19-45-56>

Введение. Одной из важнейших целей государственной политики является защита национальных интересов. Следует согласиться с точкой зрения А. А. Прохожева, что «дисбаланс интересов может превратиться в наиболее серьезную реальную угрозу нашей национальной безопасности»¹. Поэтому нуждаются в уточнении научные и практические аспекты учета национальных интересов в системе государственного макроэкономического регулирования. В частности, в специализированной литературе имеются разногласия по поводу трактовки национальных, групповых и государственных интересов.

Считается, что термин «интерес» используется научной литературе с XIII в. К. А. Гельвеций в трактате 1758 г. «Об уме» писал, что «...люди не дурны, а только следуют своим интересам <...> Следует жаловаться не на злобу людей, а на невежество законодателей, которые всегда частный интерес противопоставляли общему» [1, с. 47]. Автор отметил, что «государство есть совокупность составляющих его граждан, что интерес всякого гражданина связан каким-либо образом со всеобщим интересом и что, подобно звездам, разбросанным в необозримом пространстве и обладаю-

¹ Пути достижения баланса интересов: общая теория национальной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchebnik.biz/book/136-obshhaya-teoriya-nacionalnoj-bezopasnosti/27-2-puti-dostizheniya-balansa-interesov/>. – Дата доступа: 10.08.2023.

щим двумя главными движениями: одним, более медленным, общим для всей вселенной, и другим, более быстрым, свойственным каждой звезде в отдельности, – и каждое отдельное общество бывает движимо двумя различными родами интересов» [1, с. 57].

Физиократы также различали интерес общественный и личный, часто противопоставляя их. В частности, А. Смит утверждал, что «... ни один индивид <...> не будет думать об общественных интересах <...> Он будет стремиться лишь к своей личной выгоде, и в этом случае, как и во многих других, им будет руководить невидимая рука, которая приводит его к цели, не имеющей ничего общего с его намерениями» [2]. Ф. Кенэ отождествлял общественный интерес с интересом нации: «Торговец стремится покупать по возможно более низкой цене и перепродать по возможно более высокой, чтобы возможно больше увеличить свою прибыль к ущербу для нации; его частный интерес и интерес нации противоположны друг другу» [3]. Поскольку классики марксизма во многом базировались на трудах предшественников, то Ф. Энгельс также отмечал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются, прежде всего, как интересы» [4, с. 271].

В Советском Союзе исследование экономических интересов активизировалось в середине 60-х гг. прошлого века, когда эффективность административного управления снизилась и стало ясно, что необходимо повышать экономическую заинтересованность работников в результативном труде. В этот период предлагались разные определения экономических интересов, но, по нашему мнению, наиболее обоснованную трактовку дал белорусский исследователь В. И. Клецкий, который определил их как «детерминированную положением в общественном производстве направленность деятельности субъектов экономических отношений на получение результатов, обеспечивающих удовлетворение их экономических потребностей при данных общественных условиях» [5, с. 33].

Тема экономических интересов актуальна и сегодня. При этом особо актуальной является проблема обеспечения качественного согласования экономических интересов. А. Х. Саидов и Л. Ф. Кашинская правомерно считают, что «одна из основных функций любого общества – координация интересов его членов. Этим определяется существование общего принципа права, присущего как праву государств, так и международному праву. Он обязывает осуществлять свои интересы с учетом необходимости уважения законных интересов других. Значение этого принципа подчеркивается практически всеми теоретиками права» [6, с. 123]. Есть мнение, что «оптимальное сочетание интересов различных социальных групп может быть достигнуто <...> лишь при гарантировании каждому члену общества независимо от его социального положения, места проживания, сферы деятельности и даже при ее отсутствии минимальных стандартов жизнедеятельности, естественных для современного человека. Это снимет существующее в российском обществе чрезмерное напряжение между интересами различных категорий населения и снизит накопившийся за годы рыночных реформ потенциал социальной агрессии» [7, с. 30].

Нет ясности в вопросе о сферах согласования интересов для повышения эффективности национальной экономики. Отдельные авторы подходят упрощенно, заикливаясь только на производстве, игнорируя посредников вообще и банкиров, в частности. О. Громько пишет, что «экономические интересы – это проявление производственных отношений в виде сознательной целенаправленной деятельности человека в общественном производстве для удовлетворения своих потребностей в соответствии объективными условиями и требованиями объективных экономических законов» [8, с. 125].

Другие же ученые недооценивают объективный характер интересов и считают, что «экономические интересы находятся на стыке духовного и материального, так как представляют собой осознанную индивидом возможность удовлетворить свою потребность с помощью материального блага» [9, с. 17–18]. М. Л. Альпидовская вообще

утверждает, что «...для действительно свободного индивида духовные ценности всегда превосходили материальные. Именно это отличает человека духовного от человека рационального (экономического – homoeconomicus). Иерархия высших ценностей духовного человека определяется потребностью жить в согласии с верой и совестью, культурно-исторической традицией, стремлением к нравственному совершенствованию, повышению уровня правосознания и политической культуры. Реализуя свои личные интересы, такой человек в процессе труда "приводит мир к гармонии, сохраняя нужный баланс в системе духовных и материальных ценностей, в то время как человек рациональный под бременем повседневных материальных забот остается всего лишь рабом собственных эгоистических потребностей..."¹» [10, с. 33]. Такие взгляды представляется чрезмерно идеалистическими. Более правомерен подход, который высказал более века назад Г. В. Плеханов, который на вопрос: «Откуда берутся интересы? Представляют ли они собой продукт человеческой воли и человеческого сознания?» ответил: «Нет, они создаются экономическими отношениями людей» [11, с. 69].

Результаты и их обсуждение. Поскольку частные лица сами по себе ограничены в возможностях защиты своих интересов и влиянии на решения органов государственной власти, то они вынуждены сознательно или интуитивно поддерживать представителей социальных групп, которые, по их мнению, наилучшим образом будут выражать их интересы на более высоком уровне. В свою очередь, и лидеры социальных групп вынуждены учитывать интересы своих сторонников. «Истоки конфликта, противоречивости интересов различных социальных групп, входящих в них людей как раз и состоят в осознании и актуализации интересов не с точки зрения объективных условий <...>, а со своей групповой точки зрения. Иначе говоря, конфликты возникают, когда представитель региона, этнической или социальной группы считает важным и необходимым удовлетворение интересов только той общности, которую он представляет, совершенно не обращая внимание на существование законных интересов и других групп людей, подобных его группе. Такой подход, с одной стороны, порождает иллюзии, что справедливость может быть достигнута автоматически, стоит только предъявить счет государству и обществу. С другой стороны, это порождает социальную лень, иждивенчество, принижает роль качественного и производительного труда. Этот же подход одновременно показывает, что в реализации принципа социальной справедливости имеются большие перекосы»². Таким образом, весьма актуальной является проблема исследования групповых интересов, которые на уровне экономики в целом выступают в виде социальных макрогрупп (СМГ). Они трактуются нами как «объединения людей со специфической ролью в экономической деятельности; ориентированные на реализацию групповых и личных интересов своих членов с использованием формальных и неформальных норм (институтов); обладающие влиянием, которое позволяет им участвовать в определении специфики монетарной, фискальной и институциональной политики, воздействовать на основные макроэкономические пропорции, существенно корректировать финансовые потоки в экономике» [12, с. 67].

При этом экономические интересы СМГ целесообразно разделять на подвиды:

а) бюджетные интересы – стремление перераспределить в пользу макрогруппы полученные доходы бюджетов и внебюджетных средств различного уровня, а также снизить налогообложение своих организаций для облегчения налогового бремени;

б) кредитные интересы – стремление переориентировать движение ресурсов в банковско-кредитной сфере к своей выгоде. Если банковско-кредитная СМГ заинтере-

¹ Мусин, М. М. Управление экономическими интересами : уч. пособие для вузов / М. М. Мусин. – М. : Гардарики, 2006. – 287 с. – С. 37.

² Пути достижения баланса интересов: общая теория национальной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchebnik.biz/book/136-obshhaya-teoriya-nacionalnoj-bezopasnosti/27-2-puti-dostizheniya-balansa-interesov/>. – Дата доступа: 10.08.2023.

ресована в получении высоких комиссионных и процентных доходов, то СМГ реального сектора экономики желали бы дешевых банковских услуг, низких процентных ставок по кредитам и высоких – по депозитам;

в) ценоформирующие интересы – стремление покупать продукцию и услуги по низким ценам, но продавать свои товары по высоким ценам;

г) институциональные интересы – направленность действий участников СМГ на формирование в обществе институтов (правил игры), которые формируют институциональную среду, максимально предпочтительную для их СМГ. «Реализация институционального интереса заключается в извлечении выгод от соблюдения норм и правил, а также поиск, а затем и создание новых институтов, регламентирующих поведение субъектов, что способствует снижению трансакционных издержек и облегчает проблему выбора» [13, с. 19]. Например, пенсионерам бы хотелось активной пропаганды в СМИ важной роли ветеранов с соответствующим принятием государственных решений по повышению пенсий, предоставлению им других льгот; работники СМГ реального сектора требуют более внимательного отношения к производителям товаров и услуг с принятием соответствующих нормативных документов, акторы банковско-кредитной СМГ призывают не считать их менялами и спекулянтами, а также желают принятия монетаристской теории в качестве государственной идеологии и безусловного исполнения ее догм всеми другими СМГ. Исследователь банковской деятельности А. Ю. Мишин пишет, что «частный институциональный интерес состоит в желании создать такой институт, который бы обеспечивал максимизацию выгод именно данному субъекту. Общий институциональный интерес представляет собой направленность действий всего общества на формирование институционального порядка, обеспечивающего целостность экономической среды и возможность реализации экономических интересов многочисленных субъектов. Сложности взаимодействия частных и общественных как экономических, так и институциональных интересов порождают порой противоречивые действия как самих коммерческих банков, носителей частных интересов, так и мегарегулятора, как агента обобщенного общенационального экономического и институционального интереса» [13, с. 20].

Между СМГ постоянно существуют разногласия в первую очередь по поводу формирования и распределения денежных потоков. Эти разногласия должны решаться с помощью бюджетно-налоговых, денежно-кредитных, антимонопольных и институциональных инструментов, являющихся составными элементами макроэкономической политики, целью которой является обеспечение национальной безопасности на основе стабильного экономического роста, поддержания экономического равновесия и согласования интересов основных СМГ.

Следует согласиться, что национальный интерес «не сводится к совокупности интересов граждан», поскольку, кроме результирующей этой совокупности интересов, учитывает множество объективных социально-экономических, геополитических и иных факторов. Национальные интересы формируются под воздействием мировых экономических процессов, политики других государств и т. д.» [14, с. 57]. Поэтому экономическую безопасность правомерно разделять на международную и внутреннюю. К международной экономической безопасности относится защита национальных экономических интересов во взаимоотношениях с другими странами, наличие продуманной национальной стратегии по защите от внешних шоков и санкций; сохранение достаточной экономической самостоятельности во взаимоотношениях с доминирующими государствами. Мы согласны с точкой зрения, что «...наибольшее значение имеет достижение внутренней экономической безопасности, поскольку при рассогласовании экономических интересов "внутренних" субъектов экономическая безопасность страны не может быть обеспечена гармонией ее интересов в международной экономической сфере <...> В методологическом аспекте этот вывод означает, что тео-

ретический анализ экономической безопасности образует специальное исследование механизма обеспечения внутренней экономической безопасности страны как результата согласования экономических интересов активных субъектов доминантных секторов национальной экономики, основным из которых в силу объективного статуса выступает государство»¹.

Согласование макроэкономических интересов нельзя рассматривать как простую балансировку поступивших и распределенных ресурсов по туманно определенному критерию «справедливости». На самом деле дележка осуществляется исходя из близости отдельных представителей СМГ к властным структурам и возможностей их влияния на движение финансовых потоков. Достигнутый таким образом баланс экономических интересов часто носит волевой, административный характер, не обеспечивает одинаковый уровень удовлетворения потребностей сторон, что снижает эффективность хозяйствования. Упрощенный подход к «балансировке» без реального учета интересов вовлеченных в процесс СМГ может оказаться сильно диспаритетным. Например, еще в V в. до нашей эры высадившаяся на остров Мелосс армия Афин предложила аборигенам следующий «баланс интересов»: «...мы хотим вашего спасения к обоюдной выгоде. Вам будет выгоднее стать подвластными нам, нежели претерпеть жесточайшие бедствия» [15, с. 257].

Диспаритетное балансирование интересов может вызвать социальную напряженность, что отрицательно отразится на национальной безопасности. В связи с этим необходимо оценивать качество баланса. Мы согласны с Н. В. Галкиной, считающей, что «баланс интересов <...> можно классифицировать по уровням – приемлемый, терпимый, нетерпимый» [16, с. 47]. При низком уровне сбалансированности интересов одна из сторон обычно считает себя обиженной и не стремится существенно улучшать результаты своей деятельности, полагая, что основную выгоду получит доминирующий контрагент.

Правомерно высказывание Д. Бьюкенена о том, что «согласие экономических интересов индивидов, коллективов и общества в целом может иметь место лишь в идеале» [17, с. 24]. Поэтому вместо «баланса интересов» более обосновано говорить об их согласовании как перманентном процессе. Достичь абсолютного согласования экономических интересов невозможно, поскольку более полное удовлетворение запросов одного актора приводит к ущемлению интересов других субъектов, т. к. каждый актор стремится к максимизации полезности и минимизации своих затрат за счет других субъектов.

На микроуровне технологии согласования экономических интересов в достаточной степени отработаны и нормативно зарегулированы. Но сложно обеспечивать согласование интересов на макроуровне. «Специфика согласования макроэкономических интересов зависит от институциональной матрицы, на которой построены общественные отношения в том или ином государстве. Если в западной институциональной модели происходит согласование интересов государства с основными СМГ через рыночные отношения и систему их влияния на государственные органы управления (в т. ч. через официально признаваемый лоббизм), то согласование интересов СМГ на макроуровне в восточной институциональной матрице производится не за счет действия рыночных сил, а в основном путем принятия решений органами государственной власти» [18, с. 29]. В связи с этим следует обеспечивать условия, при которых ни одна из СМГ не имела лучших возможностей для лоббирования своих интересов по сравнению с другими участниками макроэкономических отношений.

¹ Магомедов, А. Б. Система приоритетов экономических интересов в обеспечении национальной безопасности (концептуальные аспекты) : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / А. Б. Магомедов. – Владикавказ : Из-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетугарова, 2009. – 22 с. – С. 14–15.

Мы не согласны с М. Н. Казаковой, считающей, что «...в демократическом обществе национальный интерес должен формироваться на основе обобщения интересов граждан, в противовес авторитарным обществам, для которых, по мнению сторонников либерального подхода, свойственно преобладание интересов государства над интересами личности» [19, с. 30]. Для обеспечения национальной безопасности необходима координация интересов всех СМГ независимо от того, на основе какой институциональной матрицы базируется экономическая деятельность. «Одна из основных функций любого общества – координация интересов его членов. Этим определяется существование общего принципа права, присущего как праву государств, так и международному праву. Он обязывает осуществлять свои интересы с учетом необходимости уважения законных интересов других. Значение этого принципа подчеркивается практически всеми теоретиками права» [20, с. 123].

По нашему мнению, независимо от специфики институциональной матрицы (западной или восточной) главное – обеспечить приемлемое для основных социальных макрогрупп согласование интересов, хотя в восточной институциональной матрице при этом активнее используются административные методы. При излишнем учете интересов лоббистов и чрезмерном использовании бюрократического ресурса могут возникнуть серьезные проблемы. Описывая экономику Российской Федерации, М. Л. Альпидовская отмечает, что «практика последних лет реформирования российской экономики демонстрирует множество примеров игнорирования, а порой и прямого попрания властными структурами (субъектами, контролирующими власть и обеспечивающими ее функционирование) жизненно важных общегосударственных интересов в угоду частным интересам. Результатом подобного социально-экономического поведения властвующей бюрократии стал существенный подрыв национальной безопасности страны, выразившийся в беспрецедентном падении и деградации производственной сферы как основы национальной экономики, углублении социального расслоения и поляризации общества, усилении односторонней зависимости внутренней хозяйственной жизни от внешнего мира, лояльности международных финансовых организаций и др. Причина сложившегося положения видится в дистанцированности государственной экономической политики от национальных экономических интересов, ее искажении под давлением интересов отдельных хозяйствующих субъектов. В итоге происходит подмена национальных интересов государственными, в качестве которых нередко выступают потребности отдельных групп или даже отдельных личностей, находящихся непосредственно у власти» [10, с. 37]. По нашему мнению, в этом случае происходит подмена национальных интересов лоббистскими интересами, которые ни в коем случае не должны отождествляться с государственными.

И. Н. Якунина считает спорным «положение о том, что государство может в полной мере служить выразителем интересов общества, поскольку в условиях глобализации и информатизации понятия "социум" и "общество" выходят далеко за пределы национальных границ, а, следовательно, ни одно отдельно взятое государство не может быть в полной мере выразителем интересов субъектов и социальных групп, формирующих данное общество» [20, с. 9, 12]. Вместе с тем, представляется обоснованной точка зрения, согласно которой государственные интересы выражают, прежде всего, интересы социальной макрогруппы «государственное управление», которые должны быть направлены на обеспечение эффективного функционирования системы управления страной. А встречающийся оппортунизм (использование должностных возможностей в личных интересах) отдельных представителей бюрократических структур является искажением государственных интересов, чему необходимо противодействовать.

Государственные интересы совпадают с национальными интересами в том случае, если и те, и другие выражают скоординированные интересы основных СМГ, а не

ориентируются на потребности работников, связанных «...с обслуживанием аппарата государственных служащих (бюрократические интересы), которые явно не соответствуют личным интересам рядовых налогоплательщиков, за счет средств которых и осуществляется финансирование данных расходов» [10, с. 34]. Вместе с тем, государство может отдавать приоритет интересам отдельных СМГ (например, реальному сектору экономики) и перераспределять в их пользу дополнительные финансовые потоки. Таким образом, «если национальные интересы выражают потребности основной массы населения, агрегированные в интересах СМГ, то государственные интересы могут воплощаться в реализации запросов отдельных макрогрупп, имеющих приоритетное влияние на формирование государственной политики» [21].

Представляется достаточно спорным тезис, что «в современном российском обществе пока не сформированы механизмы, позволяющие предотвращать фактическое подчинение национально-государственных интересов и интересов хозяйствующих структур персонифицированным интересам. Следствием такого положения дел является тот факт, что под воздействием феномена замещения интересов социально-экономические процессы часто отклоняются от верного и справедливого пути развития <...> В итоге в определенных ситуациях личный (частный) интерес может стать антиобщественным. Например, доход от распространения наркотиков является формой реализации личного интереса, но не входит в сферу национальных интересов» [10, с. 34]. В результате делается вывод, что «...в случае предпочтения индивидом эгоцентрического, индивидуалистического поведения, опирающегося исключительно на личные (частные) интересы, не просто проигрывает общество, проигрывает и этот индивид. Повышение значимости духовно-нравственных начал общества оказывается более обоснованным с точки зрения общественной эффективности и становится средством максимизации общественного благосостояния. То, что ранее оказывалось предпочтительнее по морально-нравственным критериям, ныне оказывается и элементарно рациональнее и эффективнее с экономической точки зрения» [10, с. 35]. Вполне допустимо предположить существование группировок, осуществляющих противоправные действия, но считать их СМГ, которые принимают участие в формировании национальных или государственных интересов, по нашему мнению, неправомерно.

Весьма сомнительны также трактовки теоретиков либерально-идеалистической парадигмы, готовых «...согласиться с существованием национальных интересов только при условии, что его содержанием должны быть признаны моральные нормы и глобальные проблемы современности. Защита суверенитета и связанное с этим стремление к могуществу в условиях усиливающейся взаимозависимости мира, по их мнению, все больше утрачивают свое значение <...> Главная задача, стоящая перед демократическими государствами, – это не защита национальных интересов, а забота о моральных принципах, демократии и правах человека в условиях глобализации» [6, с. 122]. Читая авторов с подобными подходами, четко понимаешь источники финансирования их деятельности.

Выявленные проблемы обеспечения единого направления экономических интересов в целях создания действенного механизма национальной безопасности требуют разработки соответствующей теоретико-методологической базы. Нами обосновано, что «монетаристская, кейнсианская и марксистская экономические теории выражают интересы определенных СМГ, ущемляя других участников общественных отношений. Монетаристская теория ориентирована на реализацию интересов банковско-кредитной СМГ, кейнсианские подходы соответствуют интересам СМГ реального сектора экономики и направлены на стимулирование экономического развития вплоть до ослабления монетарной стабильности. Наиболее взвешенную позицию занимает институциональная теория в случае разработки на

ее основе теории согласования макроэкономических интересов» [18, с. 31]. Практика зарубежных стран подтверждает наши выводы.

Международные исследования, проведенные на примере Бразилии, показали, что монетарные методы регулирования экономики с помощью повышения процентных ставок дисбалансировали экономику этой страны, в результате чего финансовый капитал и рантье извлекали повышенную ренту в ущерб обрабатывающей промышленности и экспорту, привели к дефициту счета текущих операций и снизили уровень жизни населения¹. Между тем, по кейнсианской теории цены определяются прежде всего издержками и уж затем спросом на товар. Кейнс не отрицал, что повышение процентной ставки может повлиять на инфляцию, но эта мера лишь затрудняет перенос реального роста издержек в конечные цены. В действительности экономическая политика, воздействующая на совокупный спрос, может усугубить инфляционный процесс, поскольку спрос, ограничиваемый повышением краткосрочной процентной ставки, оказывает негативное долгосрочное воздействие на уровень потенциального выпуска. В результате будут снижаться инвестиции в накопление капитала, что в перспективе сократит совокупное предложение и затормозит процесс структурных изменений, помешает переходу к более продвинутым этапам технологического развития и повышению производительности. Контроль над инфляцией при давлении роста издержек посредством ограничения совокупного спроса будет увековечивать рост затрат за счет инфляционных тенденций обратной связи [22, с. 157–158].

Противоречия в интересах между монетаристами и сторонниками стимулирования экономики финансовыми методами существуют и в других странах. Например, в ноябрьской 2023 г. статье «Financial Times» под характерным названием «Фискальная и монетарная политика Японии движутся в противоположных направлениях» глава Банка Японии Кадзуо Уэда жаловался на планы правительства по бюджетному стимулированию экономики до 3 % ВВП, что мешает политике японского центробанка по поддержанию уровня инфляции в 2 %. Он признает, что, хотя инфляция все равно выше контрольной цифры и за последние 30 лет Япония не раз прибегала к фискальному стимулированию для преодоления провисания экономики и риска дефляции, однако такая политика является, по его мнению, порочной, так как не соответствует интересам денежных властей². Совершенно не считается с постулатами монетаризма Китайская Народная Республика. Обнародованный новый план стимулирования китайской экономики ориентирован на развитие новых областей экономики и предусматривает увеличение в четвертом квартале 2023 г. государственного долга на сумму 1 трлн юаней (137 млрд долл.). Заместитель министра финансов КНР Чжу Чжунмин заявил, что риски, связанные с государственным долгом, «управляемы», а коэффициент задолженности все еще находится в разумных пределах³. Вместе с тем, следовать китайской политике стимулирования экономики за счет роста долговых обязательств следует с большой осторожностью в том случае, если страна не имеет достаточных финансовых резервов для своевременного покрытия задолженностей.

Теория согласования макроэкономических интересов исходя из неинституциональных принципов обеспечивает нейтральный, без лоббизма, подход к основным СМГ. На основе этой теории обеспечивается национальная безопасность с обеспечением экономического развития и повышения благосостояния членов общества. В ней

---

¹ Financial interests and the capture of the State in Brazil [Electronic resource]. – Mode of access: <https://doi.org/10.1590/0101-31572017v37n02a04/>. – Date of access: 19.10.2023.

² Japan's fiscal and monetary policies are moving in opposite directions [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/b784cac0-68ba-4968-8813-4bc618652e1e>. – Date of access: 10.11.2023.

³ China Stimulus to Make 'Big Impact,' Ex-PBOC Official Says [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-10-25/china-stimulus-plan-to-make-big-impact-ex-pboc-official-says>. – Date of access: 04.11.2023.

используются как формальные, так и неформальные инструменты противодействия nepoтизмy и другим формам лоббирования, позволяющим получать необоснованные преференции как СМГ, так и особо доверенным акторам при властных структурах.

Выводы. Во-первых, сформулированы принципы макроэкономического регулирования для обеспечения национальной безопасности применительно к белорусским условиям, включающие: а) агрегирование интересов акторов общественных отношений на уровне социальных макрогрупп (СМГ); б) согласование, а не просто сбалансирование экономических интересов основных СМГ; в) при активном использовании инструментов административного управления применение инструментов рыночного саморегулирования для корректировки директивных решений; г) при проведении государственной макроэкономической политики необходимо обеспечение для всех слоев населения стандартов жизнедеятельности, соответствующих уровню, естественному для стран межгосударственного региона, независимо от специфики институциональной матрицы.

Во-вторых, разработана классификация экономических интересов социальных макрогрупп (СМГ) включающая: (а) бюджетные интересы – стремление СМГ перераспределить в пользу макрогруппы доходы бюджетов и внебюджетных фондов, а также добиваться снижения налогообложения своих организаций; (б) кредитные интересы – стремление переориентировать движение ресурсов в банковско-кредитной сфере в пользу своей социальной макрогруппы под минимальный процент; (в) ценоформирующие интересы – стремление покупать продукцию и услуги по низким ценам, но продавать свои товары по высоким ценам; (г) институциональные интересы – направленность действий участников СМГ на формирование институтов, максимально предпочтительных для реализации своих целей и задач.

В-третьих, обоснован вывод, что для обеспечения экономической безопасности существующие между социальными макрогруппами разногласия должны решаться с помощью бюджетно-налоговых, денежно-кредитных, антимонопольных и институциональных инструментов, являющихся составными элементами макроэкономической политики, регулирующих удовлетворение экономических интересов СМГ. Указанные инструменты должны обеспечивать стабильный экономический рост на основе поддержания экономического равновесия путем согласования интересов основных социальных макрогрупп.

Список использованных источников

1. Гельвеций, К. А. Об уме / К. А. Гельвецкий. – М. : ОГИЗ, 1938. – 396 с.
2. Классика экономической мысли: сочинения / У. Петти [и др.]. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. – 894 с.
3. Кенэ, Ф. Избранные экономические сочинения / Ф. Кенэ. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 377 с.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1954. – Т. 18. – С. 203–284.
5. Клецкий, В. И. Материальное стимулирование производственных коллективов в промышленности / В. И. Клецкий. – Минск : Наука и техника, 1976. – 280 с.
6. Саидов, А. Х. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) / А. Х. Саидов, Л. Ф. Кашина // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 119–126.
7. Половина, Н. В. Принципы согласования экономических интересов / Н. В. Половина // Журнал экономической теории. – 2009. – № 1. – С. 150–168.
8. Громыко, О. Экономические интересы: природа, сущность и классификация / О. Громыко // Актуальные проблемы инновационного развития агропромышленного

комплекса Беларуси: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию экономического факультета / Белорусская государственная сельскохозяйственная академия. – Горки, 2019. – Ч. 1. – С. 123–129.

9. Хацкевич, Г. Принцип сохранения баланса экономических интересов в рыночной экономике / Г. Хацкевич, А. Бельзецкий // Банкаўскі веснік. – 2019. – № 12. – С. 17–25.

10. Альпидовская, М. Л. Экономические интересы общества: «единство и борьба противоположностей» / М. Л. Альпидовская // Экономика и управление. – 2007. – № 8 (17). – С. 32–38.

11. Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов. – М. : Госполитиздат, 1956. – Т. 2. – 336 с.

12. Лученок, А. И. Институты правят экономикой / А. И. Лученок. – Минск : Белорусская наука, 2018. – 279 с.

13. Мишин, А. Ю. Экономические и институциональные интересы коммерческих банков в современных социально-экономических условиях / А. Ю. Мишин // Экономические науки. – 2019. – № 170. – С. 17–20.

14. Трухачёв, В. В. Национальные интересы: теоретический дискурс проблемы / В. В. Трухачёв // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 53–65.

15. Фукидид История / Фукидид; под ред. Г. А. Стратановского. – Л. : Наука, 1981. – 543 с.

16. Галкина, Н. В. Значение баланса интересов для процессов адаптации / Н. В. Галкина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – Т. 7, № 1. – С. 46–48.

17. Бьюкенен, Д. Конституция экономической политики / Д. Бьюкенен. – М. : Таурас Альфа, 1997. – 556 с.

18. Лученок, А. И. Теоретические подходы к согласованию макроэкономических интересов в целях стимулирования экономического роста / А. И. Лученок // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2021. – Вып. 3. – С. 22–33.

19. Казакова, М. Н. Национальные интересы: к вопросу об определении и содержании понятия / М. Н. Казакова // Вестник Мордовского университета. – 2010. – № 3. – С. 26–32.

20. Якунина, И. Н. Диалектика реализации общественных интересов в современном социуме: вопросы методологии / И. Н. Якунина // Вестник ТГУ. – 2011. – Вып. 9 (101). – С. 9–13.

21. Лученок, А. И. Согласование национальных интересов при проведении интеграционной политики / А. И. Лученок // Экономическая наука сегодня. – 2017. – № 5. – С. 103–115.

22. Carmem, F. Monetary policy in Brazil in pandemic times / F. Carmen, C. F. Eliane, C. Luiz // Brazilian Journal of Political Economy – Center of Political Economy. – 2022. – Vol. 42 (1). – P. 150–171.

Статья поступила в редакцию 15 января 2024 года

MACROECONOMIC REGULATION OF NATIONAL INTEREST PROTECTION IN THE BELARUSIAN INSTITUTIONAL SYSTEM

A. I. Luchenok

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of the Macroeconomic and Financial Policy
Institute of Economics of the NAS of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The principles of macroeconomic regulation for the protection of national interests are formulated. For this purpose, the necessity of aggregating the interests of actors of macroeconomic relations at the level of social macro groups (SMG) is justified. The classification of economic interests of SMGs was developed, including: budgetary, credit, price-forming and institutional interests. The conclusion about the necessity of harmonisation rather than forced disparate satisfaction of the interests of the actors of economic relations is substantiated. It is recommended to resolve disagreements between SMGs by means of fiscal, monetary, anti-monopoly and institutional instruments, which are constituent elements of macroeconomic policy.

Keywords: *institutional system, macroeconomic regulation, national security, harmonisation of interests, social macro groups, economic interests.*

References

1. Helvetius, K. A. (1938) *Ob ume* [On the Mind] Moscow, OGIZ. (In Russian).
2. Petty, W. [et al.] (2000) *Klassika ekonomicheskoi mysli: sochineniya* [Classics of Economic Thought: Essays] Moscow, EXMO-Press. (In Russian).
3. Kenet, F. (1960) *Izbrannye ekonomicheskie sochineniya* [Selected Economic Essays] Moscow, Sotsekgiz. (In Russian).
4. Marx, K., Engels, F. (1954) *Sochineniya* [Works]; 2nd edition. Moscow, Gospolitizdat. (18), 203-284. (In Russian).
5. Kletsky, V. I. (1976) *Material'noe stimulirovanie proizvodstvennykh kollektivov v promyshlennosti* [Material stimulation of production collectives in industry] Minsk, Nauka i tekhnika. (In Russian).
6. Saidov, A. H., Kashinskaya, L. F. (2005) National security and national interests: interrelation and interaction (experience of political and legal analysis). *Zhurnal rossijskogo prava*. (12), 119-126. (In Russian).
7. Polovinina, N. V. (2009) Principles of coordination of economic interests. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. (1), 150-168. (In Russian).
8. Gromyko, O. (2019) Economic interests: nature, essence and classification [Ekonomicheskie interesy: priroda, sushchnost' i klassifikatsiy]: Actual problems of innovative development of agro-industrial complex of Belarus: materials of the X International scientific and practical conference devoted to the 90th anniversary of the Faculty of Economics. Gorki. (1), 123-129. (In Russian).
9. Khatskevich, G., Belzetsky, A. (2019) Principle of preserving the balance of economic interests in the market economy. *Bankayſki vesnik*. (12), 17-25. (In Russian).
10. Alpidovskaya, M. L. (2007) Economic interests of the society: "unity and struggle of opposites". *Ekonomika i upravlenie*. (8), 32-38. (In Russian).
11. Plekhanov, G. V. (1956) *K voprosu o razvitií monisticheskogo vzglyada na istoriyu* [On the Development of the Monistic View of History] Moscow, Gospolitizdat. (2). (In Russian).
12. Luchenok, A. I. (2018) *Instituty pravyyat ekonomikoi* [Institutes rule the economy]. Minsk, Belorusskaya nauka. (In Russian).
13. Mishin, A. Y. (2019) Economic and institutional interests of commercial banks in modern socio-economic conditions. *Ekonomicheskie nauki*. (170), 17-20. (In Russian).
14. Trukhachev, V. V. (2010) National interests: theoretical discourse of the problem. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. (1), 53-65. (In Russian).
15. Thucydides (1981) *Istoriya* [History] Leningrad, Nauka. (In Russian).
16. Galkina, N. V. (2005) Significance of the balance of interests for adaptation processes. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (1), 46-48. (In Russian).

17. Buchanan, D. (1997) *Konstitutsiya ekonomicheskoi politiki* [The Constitution of Economic Policy] Moscow, Taurus Alpha. (In Russian).

18. Luchenok, A. I. (2021) Theoretical approaches to the harmonisation of macroeconomic interests in order to stimulate economic growth. *Vestnik Instituta ekonomiki NAN Belarusi*. (3), 22-33. (In Russian).

19. Kazakova, M. N. (2010) National interests: to the issue of definition and content of the concept. *Vestnik Mordovskogo universiteta* (3), 26-32. (In Russian).

20. Yakunina, I. N. (2011) Dialectics of the realisation of public interests in modern society: issues of methodology. *Vestnik TGU*. 9 (101), 9-13. (In Russian).

22. Luchenok, A. I. (2017) Alignment of national interests in the implementation of integration policy. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. (5), 103-115. (In Russian).

22. Carmem, F., Eliane, C. A., Luiz, C. (2022) Monetary policy in Brazil in pandemic times. *Brazilian Journal of Political Economy – Centre of Political Economy*. 42 (1), 150-171.